

COVENANT & CONVERSATION



ЭССЕ ОБ ЭТИКЕ

РАББИ ЛОРД ДЖОНАТАН САКС, ЗЕХЕР ЦАДИК ЛИ-ВРАХА

ПЕРВОНАЧАЛЬНО НАПИСАНЫ И ОБНАРОДОВАНЫ В 5775 ГОДУ



Благодарим организацию "Уол легаси" (Wohl Legacy) за щедрую спонсорскую поддержку Covenant & Conversation. Морис был дальновидным филантропом. Вивьен была глубочайше скромной женщиной. Вместе они представляли собой уникальный тандем - преданный своему делу и милосердный, "жить" значило для них "жертвовать".

Перевод с английского Светланы Силаковой

От боли к смирению

« Беаалотха »

В своей книге «Путь к характеру»¹, ставшей бестселлером, Дэвид Брукс четко разграничивает два типа добродетели: по его собственной терминологии, «добродетель из резюме» (умения и свершения, обеспечивающие успех) и «добродетель из эпитафии» (качества человека, о которых говорят на его похоронах). Вторые — это положительные качества и сильные стороны, присущие твоей подлинной натуре, когда ты не прячешься под маской, не играешь роль; они составляют твое внутреннее «я», то, о чем родные и друзья скажут: «Таков он на самом деле».

Брукс проводит параллели с тем разграничением, которое наметил рабби Йосеф Соловейчик в знаменитом эссе «Одинокий верующий человек»². Соловейчик описывает «первого Адама» (человека как творца, строителя, хозяина природы, того, кто навязывает миру свою волю) и «второго Адама» (того, чья личность сформирована заветом, живущего по велениям предвечной истины, руководствующегося чувством долга, нравственным чувством и готовностью к служению).

Первый Адам гонится за успехом. Второй Адам ставит себе целью милосердие, любовь и искупление грехов. Первый Адам соотносит свою жизнь с логикой экономики — преследует своекорыстные интересы и из всего извлекает пользу. Второй Адам соотносит свою жизнь с логикой нравственности, предполагающей, что давать ценнее, чем получать, а контролировать свои желания важнее, чем удовлетворять их. В мире нравственности успех становится неудачей, если его следствием оказывается гордыня. Неудача же может быть успехом, если ее следствие — смирение.

В этом эссе, впервые опубликованном в 1965 году, рабби Соловейчик гадал, найдется ли второму Адаму место в тогдашней Америке, целенаправленно восхвалявшей могущество человека и экономические достижения.

¹ David Brooks. The Road to Character. Allen Lane, 2015.

² Rabbi Joseph Soloveitchik. The Lonely Man of Faith. Doubleday, 1992.

Спустя полсотни лет Брукс вторит сомнениям Соловейчика. Он пишет: «Мы живем в обществе, которое поощряет нас думать, как бы сделать хорошую карьеру, но не учит развивать свою внутреннюю жизнь, так что многие из нас не способны даже говорить об этом».

Это и есть одна из главных тем недельной главы «Беаалотха». До сих пор мы видели Моше таким, каким он выглядит со стороны: чудотворец, человек, в чьи уста Б-г вкладывает Свое слово, человек, бесстрашно противостоящий фараону и народу, тот, кто разбил скрижали с письменами самого Б-га и возразил Б-гу, потребовав простить Его народ, «а если нет, то сотри меня из Твоей книги, которую Ты написал!» (Шмот, 32:32). Таков Моше как публичная фигура. «Первый Моше», если позаимствовать терминологию Соловейчика.

В «Беаалотха» мы видим «второго Моше», одинокого верующего человека. И это совсем другая картина. В первой сцене мы видим его нервный срыв. Люди снова жалуются на питание. Дескать, манна у них есть, но мяса нет. Они предаются обманчивой ностальгии: «Мы помним рыбу, которую мы ели в Египте даром, огурцы и дыни, зелень, лук и чеснок» (Бемидбар, 11:5).

Эта неблагодарность переполняет чашу терпения Моше, и он дает выход отчаянию: «Зачем Ты сделал зло рабу Твоему? Чем я так негоден Тебе, что Ты взвалил на меня бремя всего этого народа? Разве я зачал этот народ, разве я родил его? Почему же Ты велишь мне: “Неси его на груди, как воспитатель несет малое дитя...” <...> Я не могу один нести весь этот народ, для меня это слишком тяжелая [ноша]! Если так Ты поступаешь со мной, то — коль скоро я Тебе угоден! — лучше убей меня сразу, лишь бы мне не видеть моей беды» (Бемидбар, 11:11–15).

Затем происходит великая перемена. Б-г велит Моше собрать семьдесят старейшин, чтобы те несли ношу вместе с ним. Б-г берет от духа, уже пребывающего на Моше, и передает часть этого духа старейшинам. Двое старейшин, Эльдад и Мейдад, — они входили в число шести, отобранных из каждого рода, но не попали в окончательный список, — начинают пророчествовать в стане. Они тоже «подхватили» дух Моше. Йеошуа опасается, что это может вылиться в оспаривание руководящей роли Моше, и призывает Моше их остановить. Моше отвечает, проявляя колоссальное великодушие: «Уж не за меня ли ты ревнуешь? О, если бы все в народе Г-спода были пророками, лишь бы Г-сподь послал на них дух Свой!» (Бемидбар, 11:29).

Уже сам факт того, что Моше теперь знает: он не одинок и видит, что его дух разделяют с ним семьдесят старейшин, прогоняет уныние. Теперь Моше излучает миролюбивую, благородную уверенность в себе. Это трогательно и неожиданно.

В третьем же акте мы видим, к чему вела эта драма. Моше принимают третировать его родные брат и сестра — Аарон и Мирьям. Причина их претензий (мол, он взял в жены кушитку) остается неясной; существует много толкований этого места. Но суть в другом: в этот миг Моше мог бы, подобно Юлию Цезарю, спросить: «И ты, Брут?...» Его предали — или, самое малое, очернили — самые близкие люди. Но Моше остается невозмутим.

Именно в этом месте Тора делает грандиозной важности заявление: «А этот человек, Моше, был очень смиренным, [самым смиренным] из всех людей на земле» (Бемидбар, 12:3).

В истории это нечто невиданное. В Древнем мире идея, что смирение — величайшая добродетель лидера, наверняка показалась бы нелепой, почти оксюмороном. Лидеры были горды и великолепы, их отличали особая одежда, внешность и царственные манеры. Они строили в честь самих себя храмы. Приказывали высекать на камне надписи о своих свершениях. Им полагалось не служить людям, а заставлять людей служить себе. Смирения ждали от всех остальных, но только не от лидеров. Смирение и верховная власть были несовместимы.

Иудаизм перевернул эту конструкцию с ног на голову. Лидеры обязаны служить другим, а не требовать, чтобы служили им. Высшей похвалой Моше было звание «эвед а-Шем» — «слуга Б-жий»³. В Танахе это звание заслужил лишь еще один человек — его преемник Йеошуа.

³ Так в английском переводе. В русском переводе Д. Сафронова под редакцией А. Графова переводится как «раб Б-жий». — *Примеч. перев.*

Архитектурные символы двух великих империй Древнего мира — месопотамский зиккурат (Вавилонская башня) и египетские пирамиды — были зримым воплощением иерархического общества: широкое основание, узкая верхушка. Полная противоположность — еврейский символ, менора: широкая верхушка и узкое основание как бы дают понять, что в иудаизме лидер служит народу, а не наоборот. Когда у горящего куста Б-г призвал Моше к его миссии, первой его реакцией было смирение: «Кто я (такой), чтобы <...> вести (людей за собой)?⁴» (Шмот, 3:11). Именно благодаря своему смирению Моше и годится для того, чтобы вести за собой людей, руководить ими.

В «Беаалотха» мы следим за психологическим процессом, в ходе которого Моше обретает еще более глубокое смирение. Удрученный неослабевающей строптивостью сынов Израиля, Моше заглядывает внутрь себя. Снова вслушайтесь в его слова: «Зачем Ты сделал зло рабу Твоему? <...> Разве я зачал этот народ, разве я родил его? <...> Откуда мне [взять] мясо, чтобы накормить весь этот народ? Я не могу один нести весь этот народ, для меня это слишком тяжелая [ноша]!»

Здесь ключевые слова — «я», «мне», «я один». Моше сорвался на речи от первого лица единственного числа. Он воспринимает поведение сынов Израиля как вызов себе, а не Б-гу. Б-г вынужден напомнить ему: «Разве коротка рука Г-спода?» Дело не в Моше, а в том, что и Кого он представляет на земле...

Моше слишком долго был один. Не следует полагать, что он нуждался в помощи других людей, чтобы обеспечить народ пищей. С этим Б-г справлялся, не нуждаясь в участии человека. Нет, Моше нуждался в обществе других людей, чтобы вырваться из своей почти невыносимой изоляции. Выражение «ло тов» («нехорошо») встречается лишь в двух местах Торы: первый раз — в начале истории человечества, когда Б-г говорит «нехорошо человеку быть одному» (Берешит, 2:18), а во второй — когда Итро, увидев, что Моше в одиночку руководит народом, говорит: «Нехорошо то, что ты делаешь» (Шмот, 18:17).

Мы не можем жить поодиночке. Мы не можем руководить людьми поодиночке.

Как только Моше увидел, что семьдесят старейшин разделяют его дух, его уныние как рукой сняло. И он смог сказать Йеошуа: «Уж не за меня ли ты ревнуешь?» Претензии его брата и сестры ничуть не поколебали его душевный покой: когда Мирьям в наказание за свой поступок заболевает проказой, Моше молится Б-гу о ее исцелении. Моше снова обретает смирение.

Нам становится ясно, что такое смирение. Это не самоуничижение. Лучше всего сформулировал К. С. Льюис: смирение не в том, чтобы думать о себе «я человек маленький», а в том, чтобы вообще поменьше думать о себе⁵. Подлинное смирение означает, что ты перестаешь «якать». Неподдельно смиренный человек печется о Б-ге, о других людях, о принципах, а не о себе. Как однажды сказали об одном великом религиозном лидере: «Этот человек относился к Б-гу так серьезно, что никогда не испытывал потребности относиться хоть сколько-нибудь серьезно к себе».

Рабби Йоханан сказал: «Всякий раз, когда ты находишь [в Писании упоминание] о могуществе Святого, благословен Он, там же ты найдешь и [упоминание] о Его смирении»⁶. Величие — не что иное, как смирение: таково оно в глазах Б-га и тех, кто старается ходить Его путями. Также смирение — глубочайший источник душевной силы, ведь если ты не думаешь о себе, тебя не могут уязвить критика или уничижительные слова в твой адрес. Хулители целятся в некую мишень — а этой мишени больше нет...

В «Беаалотха» на основе этих трех сцен из жизни Моше нам объясняют, что иногда мы приходим к смирению только после сильнейшего психологического кризиса. Только после того,

⁴ Так в английском переводе. В русском переводе Д. Сафронова под редакцией А. Графова: «Кто я [такой], чтобы пойти к фараону и увести сынов Израиля из Египта?» — *Примеч. перев.*

⁵ Этот афоризм часто приписывают Льюису, но специалисты не нашли такой дословной фразы в его произведениях. — *Примеч. перев.*

⁶ Мегила, 31а. В русском издании: Рабби Яков Ибн-Хабиб. Эйн Яков (Источник Яакова). М.: Книжники; Леаим, 2013. Т. 3. С. 360.

как Моше испытал нервный срыв и взмолился о том, чтобы ему дали умереть, мы слышим слова: «А этот человек, Моше, был очень смиренным, [самым смиренным] из всех людей на земле». Страдания ломают уютный кокон нашего «я», втолковывая, что главное — не забота о себе, а наша роль в замысле более грандиозном, чем мы сами. Ле-авдиль⁷, Брукс напоминает нам, что Авраам Линкольн, страдавший депрессией, вышел из кризиса гражданской войны с чувством, что «его жизнью стал управлять Б-жественный Промысел, что он сам — лишь малое орудие достижения предвечной цели»⁸.

Правильная реакция на экзистенциальную боль, пишет Брукс, — не жажда наслаждений, а стремление к святости. Под святостью он понимает следующее: «...рассматривать боль как составную часть истории о нашей нравственной жизни, а также стараться искупить дурные поступки, претворив их в что-то освященное, в некий акт жертвенного служения, который позволит тебе вступить в братство широкого людского сообщества, приобщиться к извечным требованиям нравственности».

Для меня эту идею олицетворяют, например, родители трех израильских подростков, убитых летом 2014 года⁹. Как среагировали на утрату эти родители? Они учредили серию премий за наибольший вклад в укрепление единства еврейского народа — то есть перенаправили свою боль вовне и превратили в средство, исцеляющее раны народа.

Кризис, неудача, утрата, душевная боль — все это может превратить тебя из «первого Адама» во «второго Адама», чтобы ты перестал думать о себе и больше думал о других, сменил роль хозяина жизни на служение, чтобы ранимость твоего «я» заместило смирение, «напоминающее тебе, что ты не центр вселенной», а, напротив, «служишь некоему высшему порядку»¹⁰.

Те, кто имеет смирение, открыты для восприятия вещей более грандиозных, чем они сами, а те, кому смирения недостает, — нет. Поэтому те, кому недостает смирения, принуждают тебя чувствовать, что ты — ничтожество, а люди смиренные вселяют в тебя чувство, что ты духовно растешь. Их смирение вдохновляет других на величие.



www.RabbiSacks.org     @RabbiSacks

The Rabbi Sacks Legacy Trust, PO Box 72007, London, NW6 6RW • +44 (0)20 7286 6391 • info@rabbisacks.org

© Rabbi Sacks • All rights reserved

⁷ Не рядом будь помянуты (ивр.). — Примеч. перев.

⁸ David Brooks. P. 95.

⁹ 12 июня 2014 года пропали трое учащихся ешивы, возвращавшихся на попутке домой в поселение на Западном берегу Иордана. Их тела были найдены позже в районе Хеврона, похитители и убийцы оказались из числа боевиков ХАМАСа. — Примеч. ред.

¹⁰ David Brooks. P. 263.